P 41/296

Р 41/296

ЭБ

СУДЪ ВЪ ПАРИЖѢ

НАДЪ БЕРЕЗОВСКИМЪ,

ПОКУШАВШИМСЯ НА ЖИЗНЬ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

5607-65

КАЗАНЬ.
Въ университетской типографіи.
1867.

дЄ

Дозволено цензурою. Казань, 19 іюля 1867 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

5607-65

2007096036

По окончаніи предварительнаго слѣдствія, которое, не смотря на мѣры, принятыя судебными властями для ускоренія его производства, продолжалось не менѣе трехъ недѣль, дѣло о покушеніи 25-го мая (6-го іюня) было передано на рѣшеніе сенскаго суда присяжныхъ. Предварительное слѣдствіе съ полною очевидностію обнаружило, что виновникъ покушенія на жизнь Императора Всероссійскаго не имѣлъ соучастниковъ, вопреки распространившимся слухамъ, что преступникъ дѣйствовалъ не одинъ. Читателямъ газетъ памятно вѣроятно, что настроенное воображеніе многихъ лицъ представляло Булонскій лѣсъ, наполненнымъ множествомъ заговорщиковъ; между тѣмъ покушеніе 25-го мая (6-го іюня) было преступленіемъ отдѣльнаго лица.

Березовскій на всѣхъ допросахъ принималъ на себя одного всю отвѣтственность

въ своемъ преступномъ дѣяніи. Онъ увѣрялъ, будто бы еще съ юношескихъ лѣтъ онъ далъ клятвенный обѣтъ ознаменовать свою любовь къ Польшѣ какимъ либо громкимъ дѣломъ. Въ карманѣ его пальто, оставленнаго имъ у одного виноторговца, была найдена, какъ извѣстно, книга, касающаяся Польши, и въ которой были приведены слова клятвы, данной Киленскимъ и состоящей изъ слѣдующихъ выраженій: «Обязуюсь всѣми возможными средствами подготовить успѣхъ революціи».

Намъ кажется излишнимъ припоминать обстоятельства, сопровождавшія покушеніе 25-го мая (6 іюня), ибо они уже извѣстны всѣмъ и каждому до мельчайшихъ подробностей. Затѣмъ остается только обратиться къ самой личности преступника и изложить подробный ходъ процесса, знакомящій насъ съ характеромъ преступника и причинами, вызвавшими въ немъ преступное намѣреніе лишить жизни Императора Всероссійскаго. 3-го (15-го) іюля многочисленное стеченіе публики наполняло залу сенскаго суда присяжныхъ. Между присутствовавшими не было видно дамъ, но за то лучшія мѣста были заняты многими изъ вліятельныхъ членовъ польской эмиграціи и важными дол-

жностными лицами. На столѣ передъ скамьею присяжныхъ лежали предметы, долженствовавшіе служить уликами противъ преступника. Предметы эти составляли: двухствольный пистолетъ Березовскаго, одинъ изъ стволовъ котораго разорвало, нѣсколько книгъ, составлявшихъ библіотеку преступника, нѣсколько записокъ, пистолетныя принадлежности, пистоны, порохъ, пули, красный шерстяной шарфъ и пальто, найденное у виноторговца, въ которомъ находилась книга, заключающая въ себѣ клятву Киленскаго.

Въ засѣданіи суда долженъ былъ, какъ извѣстно, предсѣдательствовать г. Девьэнъ; но, по растроенному здоровью, онъ не могъ явиться въ судъ, и вмѣсто его предсѣдательствовалъ совѣтникъ г. Бертелень.

Въ десять съ половиною часовъ обвиняемый былъ введенъ въ залу. Онъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ и нѣсколько смугловатымъ лицомъ. Лобъ его, высокій и правильный, наполовину прикрытъ темнорусыми волосами. Правильный оваль его лица окаймленъ рѣденькою бородкою. Онъ носитъ усы. Лѣвая рука его подвязана чернымъ шарфомъ. Войдя въ залу присутствія, онъ привѣтливо улыбнулся своему защитнику г.

Эммануэлю Араго, и обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами. Онъ поклонился нѣсколькимъ изъ своихъ знакомыхъ, находившихся въ залѣ.

Въ четверть двѣнадцатаго засѣданіе открылось и подлинность личности преступника была признана и заявлена президентомъ г. Бертеленомъ. На прокурорскомъ креслѣ сидѣлъ генеральный прокуроръ г. Марма. Защитникомъ обвиняемаго былъ г. Эммануэль Араго.

Послѣ присяги присяжныхъ, во время которой лицо преступника поблѣднѣло, какъ бы подъ вліяніемъ внутренняго волненія, президентъ приказалъ прочесть обвинительный актъ. Формальность эта была выполнена судебнымъ приставомъ г. Коммерсономъ. Обвинительный актъ содержитъ въ себѣ подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, подготовившихъ и сопровождавшихъ преступленіе.

По прочтеніи обвинительнаго акта, который Березовскій выслушалъ не безъ нѣкотораго душевнаго волненія, президентъ приказалъ раздать присяжнымъ планъ мѣстности, прилегающей къ булонскому водопаду, и затѣмъ приступилъ къ допросу.

Президентъ. Встаньте, Березовскій! Извѣстно ли вамъ, живъ ли еще вашъ отецъ?

Обвиняемый. Нѣтъ, г. президентъ, я не знаю, живъ ли онъ, и не знаю также, гдѣ онъ теперь находится.

През. Но вѣдь вы сами заявили при слѣдствіи, что вашъ отецъ живетъ въ Россіи, гдѣ онъ даетъ уроки на фортепіяно?

Обв. Я уже давно не имѣю о немъ никакого извѣстія.

През. У васъ три брата—гдѣ они?

Обв. У меня два брата и одна сестра; но я не знаю, гдѣ они находятся.

През. Не извѣстно ли вамъ, скончались ли они, были они арестованы или преслѣдуемы за что либо русскими властями?

Обв. Нѣтъ, г. президентъ.

През. Вы воспитывались у вашей бабушки, гдѣ получили первоначальное образованіе. Наступилъ 1863 годъ—годъ польскаго возстанія. Вашъ отецъ уговаривалъ васъ не принимать участія въ смутахъ. Вы не послушались его, и онъ васъ проклялъ.

Обв. Это правда.

През. Его проклятіе принесло вамъ несчастіе.....

Обв. Въ этомъ виноватъ тотъ, который насъ угнетаетъ.

През. Вы удалились сначала въ Галицію, а потомъ въ Германію, въ Мюнхенъ, Литтихъ. Тамъ вы занимались ремесломъ оружейника.

Обв. Нѣтъ, г. президентъ, я былъ работникомъ на механическомъ заводѣ, гдѣ приготовлялись паровыя машины.

През. Слѣдовательно вы не обучались оружейному мастерству?

Обв. Нѣтъ, я былъ только механикомъ.

През. Вы прибыли въ январѣ 1865 г. въ Парижъ и поступили къ г. Гуэну.

Обв. Да, г. президентъ.

През. Въ 1865 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, вы возымѣли намѣреніе довершить свое образованіе съ помощью небольшихъ денегъ, которыми вы тогда располагали?

Обв. Это правда; но я вышелъ изъ училища по недостатку средствъ.

През. Вы снова поступили къ г. Гуэну, отъ котораго вы ушли 15-го (27-го) мая?

Обв. Я окончательно покинулъ его по тому, что былъ нездоровъ.

През. Въ концѣ мая вы отправились въ Мони, въ департаментъ Уазы, къ одному поляку изъ вашихъ знакомыхъ, занимающемуся слесарскимъ ремесломъ. Вы оставались у него только нѣсколько дней. Зачѣмъ вы его оставили?

Обв. Я разстался съ нимъ потому только, что не умѣлъ хорошо работать.

През. Дѣйствительно этотъ полякъ объявилъ, что не хотѣлъ держать васъ потому, что вы плохо знали его мастерство. Вы возвратились въ Парижъ 1-го іюня, въ два часа по полудни, по сѣверной желѣзной дорогѣ и остались на станціи, чтобы присутствовать при въѣздѣ Русскаго Царя.

Обв. Точно, я Его видѣлъ на станціи.

През. Зачѣмъ вы были тамъ?

Обв. Чтобы видѣть, могъ ли я наказать Его за все то, что онъ сдѣлалъ, а также и для того, чтобы не допустить Его святотатственно ступить ногою на французскую землю. (*Движеніе*).

През. Съ той ли самой минуты вы рѣшились убить Царя?

Обв. Съ той самой. Но еще и прежде, въ моемъ отечествѣ, я всегда желалъ отмстить Ему. Я не хотѣлъ убить Его, когда я былъ въ Польшѣ, зная, что не могъ бы исполнить своего намѣренія. Но когда я увидѣлъ возможность лишить Его жизни во Франціи, то не колебался ни минуты. (*Общее волненіе*).

През. Поэтому вы воспользовались гостепріимствомъ Франціи, чтобы посягнуть на жизнь Царя. Вы не приняли въ уваженіе

радушнаго пріема, оказаннаго императоромъ Наполеономъ вашему Государю. (*Обращаясь къ присяжнымъ*). Гг. присяжные, вы должны были замѣтить, что обвиняемый объясняется съ большимъ трудомъ. Это происходитъ отъ природнаго порока въ выговорѣ, о чемъ было заявлено при слѣдствіи. Я дѣлаю вамъ это замѣчаніе для того, чтобы вы не приписывали этого обстоятельства его смущенію.

Г. Эммануэль Араго. Онъ хорошо говоритъ по-польски, но затрудняется французскимъ языкомъ.

През. Обвиняемый, не сообщали ли вы кому-нибудь о своемъ намѣреніи?

Обв. Нѣтъ, г. президентъ, рѣшительно никому.

През. Мнѣ это кажется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что у васъ было много знакомыхъ.

Обв. Я не рѣшился бы никому повѣрить мою тайну, опасаясь измѣны.

През. При производствѣ слѣдствія не было обнаружено ничего такого, что могло бы навести на слѣдъ какихъ либо соучастниковъ. 22-го мая (3-го іюня) вы отправились просить вспомоществованія, которое даетъ вамъ Франція, чтобы купить оружіе

для совершенія преступленія. Вы пошли въ театръ, съ цѣлію узнать будетъ ли Русскій Царь присутствовать въ немъ на парадномъ спектаклѣ.

Обв. Дѣйствительно, я отправился въ день параднаго спектакля къ театру, чтобы посмотрѣть, не могу ли я подойти къ Царю.

През. Вечеромъ 23-го мая (4-го іюня) вы ожидали Его у театральнаго подъѣда.

Обв. Правда; я даже бѣжалъ за каретою до елисейскаго дворца, крича: «*Да здравствуетъ Императоръ!*» Я это сдѣлалъ, чтобы хорошенько разглядѣть обоихъ Императоровъ и чтобы умѣть отличить одного отъ другаго.

През. Вы купили у Бруневилля пистолетъ. Вамъ показали одноствольный, а вы потребовали двухствольный: зачѣмъ?

Обв. Затѣмъ, что я непремѣнно хотѣлъ попасть въ Царя.

През. Пистолетъ стоилъ вамъ восемь франковъ?

Обв. Нѣтъ, девять; но это не имѣетъ никакой важности. (*Обвиняемый смѣется*).

Преступникъ сознался затѣмъ, что купилъ также пули, но нашелъ ихъ слишкомъ малыми, что повидимому кажется доказательствомъ умѣнья его обращаться съ огне-

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

стрѣльнымъ оружіемъ. Онъ купилъ пороху на цѣлый франкъ и потомъ досталъ одинъ нумеръ «Монитера», чтобы освѣдомиться, въ которомъ часу долженъ былъ начаться смотръ 25-го мая (6-го іюня).

През. Имѣли ли вы въ эту минуту намѣреніе убить Царя?

Обв. Да, имѣлъ, г. президентъ; въ этомъ я чистосердечно сознаюсь.

Президентъ объясняетъ присяжнымъ, какимъ образомъ былъ заряженъ пистолетъ, и показалъ имъ самое оружіе.

През. Отправившись изъ Батиньоля утромъ въ день смотра, вы остановились въ аллеѣ императрицы и оттуда.....

Обв. Я дошелъ пѣшкомъ до водопада, у котораго остановился. Я присутствовалъ на смотру съ единственною цѣлію воспользоваться удобною минутою, чтобы убить Царя.

През. Вы видѣли, какъ Императорскій экипажъ приближался, направляясь къ мѣсту соединенія двухъ дорогъ, ведущихъ къ озеру. Карета, въ которой находились оба Императора и Великіе Князья, ѣхала шагомъ.

Обв. Я не обращалъ на это вниманія.

През. Императоръ, замѣтивъ, что аллея, пролегавшая съ лѣвой стороны, была за-

нята значительнымъ скопленіемъ экипажей, приказалъ кортежу свернуть вправо и ѣхать по другой аллеѣ. Тогда вы побѣжали и, обогнувъ резервуаръ каскада, остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются аллея резервуара съ аллеею, по которой ѣхалъ Императорскій поѣздъ. Карета ѣхала шагомъ. Публики было не много, и вы подошли къ ней.

Обв. Я не запомню всѣхъ подробностей, о которыхъ вы упоминаете г. президентъ, ибо я имѣлъ предъ глазами только одну цѣль—выстрѣлить въ Императора.

През. На кого вы цѣлились преимущественно?

Обв. Я хотѣлъ убить одного только Царя и цѣлился въ Него одного.

През. Вы были ранены?

Обв. Да, г. президентъ, что и было причиною моего обморока.

През. Васъ схватили. Вы хотѣли кричать, но вамъ зажали ротъ.

Обв. Я хотѣлъ крикнуть: *Да здравствуетъ Польша!*

През. Полицейскій агентъ зажалъ вамъ ротъ ладонью, и вы не могли кричать, а только успѣли выкрикнуть первыя слова.

Обв. Я хотѣлъ дать почувствовать, что я это сдѣлалъ ради Польши.

През. Изъ пистолета вылетѣла только одна пуля. Вы стрѣляли наискось.

Обв. Я знаю только, что я цѣлилъ въ голову Царя. Я зналъ, что если попаду въ Него, то уже убью Его на мѣстѣ.

През. Но съ какого права вы посягали на жизнь Царя?

Обв. Я имѣлъ право. (*Взволнованнымъ голосомъ*). Онъ убилъ нашъ край. Онъ уничтожилъ его жителей. Однимъ почеркомъ пера Онъ отправилъ всѣхъ въ Сибирь—и послѣ всего этого я не имѣлъ бы права убить Его!

През. Вы не имѣли права принимать на себя такое дѣло, къ осуществленію котораго вы не были призваны.

Обв. Это призваніе я почерпалъ въ чувствахъ моего сердца, сокрушавшагося при видѣ бѣдствій моего отечества.

През. Но коль скоро вы не признавали Русскаго Царя вашимъ государемъ....

Обв. О нѣтъ!....

През. То Онъ все таки человѣкъ, и никто не имѣетъ права посягать на жизнь своего ближняго...

Обв. Царь не можетъ быть моимъ ближнимъ, Я не знаю, какимъ именемъ назвать Его. Его нельзя почитать, и имя Его не можетъ быть уважаемо.

През. Но вы отстаиваете здѣсь теорію цареубійства. Богъ запрещаетъ убивать.

Обв. Я не Богъ.

През. Что вы не Богъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія (*слухъ, тотчасъ же замолкнувшій*), но вы отвѣчали, что вы сами произнесли свой судъ надъ Царемъ. Вы не имѣли права судить царей.

Обв. Оставаясь въ живыхъ, Царь, по смерти своей, былъ бы ввергнутъ правосуднымъ Богомъ въ адъ, тогда какъ, искупивъ свой грѣхъ смертью, которую я приготовлялся нанести Ему, Онъ былъ бы счастливѣе на томъ свѣтѣ.

През. Ну а если бы ваша пуля поразила другаго?

Обв. Я зналъ, что моя пуля не могла попасть въ императора французовъ.

През. Но если бы лошадь г. Рембо не подоспѣла во время къ дверцамъ кареты, могли ли вы предвидѣть, куда направится полетъ вашей пули? Вы сказали при допросѣ, что польская пуля не можетъ поразить императора французовъ. Но это только фраза, а не отвѣтъ. Если бы кучеръ ускорилъ шагъ лошадей, лошадь г. Рембо осталась бы назади—вы попали бы въ императора французовъ.

Обв. О нѣтъ, я былъ слишкомъ увѣренъ въ моемъ пистолетѣ.

Г. Эммануэль Араго. Я желаю заявить, что лицо иноземнаго происхожденія, начальникъ русской полиціи, присутствовалъ при первомъ допросѣ обвиненнаго.

През. Обстоятельство это не касается сущности дѣла.

Заявленіе г. Араго было оставлено безъ послѣдствій и приступлено къ спросу свидѣтелей.

Г. Рэмбо (Фирмепъ), тридцати трехъ лѣтъ, шталмейстеръ императора: По возвращеніи съ смотра, я имѣлъ честь сопровождать карету, гдѣ находились оба Императора и оба Великіе Князья Русскіе. Я находился при лѣвой дверцѣ. Карета ѣхала медленно. Мнѣ показалось, что какой-то человѣкъ дѣлаетъ движеніе обѣими руками, приближаясь къ каретѣ съ боку; я пришпорилъ свою лошадь; раздался выстрѣлъ, и кровь отъ раны лошади брызнула въ самую карету. Пуля попала лошади между глазомъ и поздрей; она истекала кровью, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе, я долженъ былъ спѣшиться. Пуля была направлена приблизительно на высоту плечъ Государя.

През. Вы, г. Рэмбо, спасли жизнь Гостя Франціи. Судъ васъ съ этимъ поздравляетъ.

Г. Бонно (Жанъ-Пьеръ), пятидесятишести лѣтъ, домовладѣлецъ: Я отправился на смотръ въ Булонскомъ лѣсу, и только что прошелъ мимо каскада, какъ увидѣлъ приближеніе Императорскаго поѣзда. Въ ту же минуту раздался выстрѣлъ, и я увидѣлъ, среди десятка лицъ, человѣка, который опустилъ голову и блѣднѣлъ. Онъ былъ раненъ. Я схватилъ и тотчасъ же вскричалъ: Вотъ убійца!

В. Какіе слышались крики?

О. Сначала кричали: Да здравствуетъ императоръ! а затѣмъ послышались со всѣхъ сторонъ повторившіеся крики: Убьемъ его! Убьемъ его! Тогда я крикнулъ: «Съ нимъ ничего не должно дѣлать: его будутъ судить».

През. Вы поступили очень хорошо.

Г. Любе (Жанъ-Шарль), сорока двухъ лѣтъ, капитанъ парижской стражи. Подтвердивъ подробности о покушеніи, заявленныя уже другими свидѣтелями, г. Любэ объясняетъ, какъ ему пришлось бороться цѣлыхъ двадцать минутъ, чтобы избавить Березовскаго отъ гнѣва лицъ, окружавшихъ его.

Г. Аренкъ-де-Прэль (Эрнстъ Огюстъ), сорока одного года, кавалерійскій капитанъ парижской стражи, помогъ предыдущему свидѣтелю защитить убійцу отъ присутствовавшихъ, которые хотѣли его повѣсить или *вздернуть на сукъ*, какъ они выражались. Онъ достигъ своей цѣли лишь съ большимъ трудомъ.

През. Г. капитанъ, вы доблестно исполнили вашу обязанность, какъ это дѣлается впрочемъ всѣми тѣми, кто носитъ вашъ мундиръ.

Г. Гиродонъ (Шарлъ-Жозефъ). Тридцати семи лѣтъ, парижскій стражъ.

През. Пропустимъ факты уже извѣстные и перейдемъ къ минутѣ арестованія обвиненнаго. Что кричалъ онъ?

О. Онъ кричалъ: «Да здравствуетъ Польша!»

Г. Польвернни, Бартелеми, сорока одного года, инспекторъ полиціи.

През. Вы содѣйствовали къ арестованію человѣка, котораго видите тамъ. Долго ли это длилось?

О. Около двадцати минутъ; со всѣхъ сторонъ кричали: его надо повѣсить, вздернуть!

Г. Кларонъ-Карло (Жанъ-Батистъ), пятидесяти двухъ лѣтъ, капиталистъ.

През. Вы были тамъ въ минуту покушенія: видѣли вы, какъ онъ выстрѣлилъ изъ пистолета.

О. Нѣтъ, г. президентъ, я только способствовалъ къ его арестованію; я схватилъ его за воротъ и слышалъ, какъ окружавшіе кричали: «Расправимся съ нимъ сами!»

Г. Мальяръ (Шарль-Констанъ), архитекторъ.

През. Что вы знаете?

О. Я возвращался со смотра, и фронтъ эскадрона направлялся въ мою сторону, какъ вдругъ, въ минуту проѣзда императора, я услышалъ выстрѣлъ. Я тотчасъ же закричалъ: гдѣ онъ? гдѣ онъ? и, обернувшись, увидѣлъ обвиненнаго, съ отвисшей и окровавленной рукой. Всѣ кричали: Убьемъ его! убьемъ его! но, благодаря вмѣшательству капитана парижской стражи, его успѣли защитить отъ гнѣва толпы и посадить въ фіякръ.

Г. Гранжанъ (Луп-Франсуа), сорока двухъ лѣтъ, служитель при канцеляріи законодательнаго корпуса.

През. Вы были возлѣ обвиненнаго, когда онъ выстрѣлилъ?

О. Да, г. президентъ.

В. Когда его арестовали, не грозились ли убить его?

О. Да, г. президентъ.

Г. Гершъ (Симонъ-Жозефъ), тридцати семи лѣтъ, квартирмейстеръ парижской стражи.

През. Перейдемъ къ той минутѣ, когда этотъ человѣкъ былъ арестованъ и посаженъ въ карету. Вы сидѣли вмѣстѣ съ нимъ въ этой каретѣ: былъ ли онъ въ обморокѣ?

О. Онъ казался въ обморокѣ, но, слыша крики: да здравствуетъ императоръ! онъ повидимому пришелъ въ себя и сталъ кричать: Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ Польша! Тогда я ему сказалъ: Какъ? вы кричите: «да здравствуетъ императоръ!» а стрѣляли по его каретѣ? Онъ отвѣчалъ: Я стрѣлялъ не въ императора, а въ Царя, чтобы отмстить за мою страну.

Г. Бюскайль (Луи), тридцати четырехъ лѣтъ, квартирмейстеръ той же стражи.

През. Вы сопровождали обвиненнаго въ каретѣ?

О. Да, г. президентъ. Онъ казался сначала въ обморокѣ, но вскорѣ сталъ кричать: «Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ Польша!» Я даже распросилъ его; онъ мнѣ сказалъ свое имя, свое жительство. Когда я его спросилъ, есть ли у него сообщники, то онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, что онъ одинъ за свою родину.

Г. Шаррье (Николай), тридцати семи лѣтъ, таможенный чиновникъ въ Мюльгаузенѣ.

В. Вы были тамъ въ минуту арестованія: видѣли вы, какъ вотъ этотъ человѣкъ выстрѣлилъ изъ пистолета?

О. Да, г. президентъ: пистолетъ поднятъ мною.

В. Что говорили въ толпѣ?

О. Кричали со всѣхъ сторонъ: «убьемъ его! убьемъ его!»

Г. Рибатонъ (Поль), сорока трехъ лѣтъ, виноторговецъ, съемщикъ квартиръ.

В. Вы были въ числѣ лицъ, способствовавшихъ къ арестованію?

О. Да, г. президентъ, и я поднялъ кусокъ пистолета, изъ котораго стрѣлялъ убійца.

Г. Роберъ (П.-Жозефъ), сорока трехъ лѣтъ, полковникъ генеральнаго штаба.

В. Вы присутствовали при дѣйствіяхъ, предъявленныхъ правосудію: видѣли вы, какъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ?

О. Полезныя свѣдѣнія, которыя я могу дать, касаются топографіи мѣстности. Я былъ тамъ и могу засвидѣтельствовать, что Березовскій, бывшій метрахъ въ восьми отъ меня, долженъ былъ выстрѣлить вкось. Убійцу окружало весьма мало народа. Онъ

былъ арестованъ почти немедленно; но я не могъ слышать криковъ, раздавшихся на его счетъ, потому что я въ это время ушелъ.

Г. Зеллеръ (Эмиль), сорока трехъ лѣтъ, ветеринарный врачъ при императорскихъ конюшняхъ, во дворцѣ Сенъ-Клу, свидѣтельствовалъ положеніе раны лошади г. Рэмбо. Пуля прошла по горизонтальному направленію и должна была попасть въ верхнюю часть тѣла лицъ, находившихся въ каретѣ.

Затѣмъ выслушаны показанія свидѣтеля, начертившаго планъ мѣстности, гдѣ было совершено преступленіе, и оружейника, продавшаго пистолетъ.

През. По какой именно причинѣ разорвался этотъ пистолетъ?

О. Потому что онъ былъ слишкомъ сильно заряженъ.

В. Вы же продали и пули?

О. Да, г. президентъ; но онѣ были слишкомъ малы; я не имѣлъ пуль надлежащаго калибра.

Г. Бускэно (Эжень), семнадцати лѣтъ, мальчикъ въ виноторговлѣ. 25-го мая (6-го іюня) обвиненный оставилъ у насъ свое сѣрое пальто и почти вслѣдъ затѣмъ ушелъ.

През. Имѣлъ ли онъ взволнованный видъ?

О. Я этого не замѣтилъ.

Г. Моравскій (Жозефъ), пятидесяти двухъ лѣтъ, слесарь-механикъ въ Муи (департ. Уазы).

В. Вы давно знасте обвиненнаго?

О. Это мой соотечественникъ. Онъ пріѣзжалъ къ намъ на шесть дней, чтобы учиться ремеслу. Я не оставилъ его у себя, потому что онъ не довольно хорошо работалъ; затѣмъ онъ уѣхалъ, сказавъ мнѣ, что больше уже не пріѣдетъ.

В. Онъ ничего не говорилъ вамъ о своихъ замыслахъ?

О. Я никогда не говорилъ съ нимъ о политикѣ.

Г. Гатифъ (Альфонсъ), девятнадцати лѣтъ, рабочій, механикъ въ Муи.

В. Вы никогда не видали обвиненнаго у вашего хозяина?

О. Видѣлъ, г. президентъ.

В. Онъ хорошо работалъ.

О. Нѣтъ, г. президентъ.

В. О чемъ говорилъ онъ, бесѣдуя съ вами?

О. Онъ говорилъ о войнахъ Наполеона I.

В. Онъ ничего не говорилъ вамъ о своихъ замыслахъ?

О. Нѣтъ. Онъ иногда говаривалъ при мнѣ, что хотѣлъ бы лучше быть пастухомъ, нежели механикомъ, потому что тогда онъ остался бы одинъ и могъ бы читать на свободѣ.

Затѣмъ президентъ читаетъ заключеніе г. Девима, оружейника, свидѣтельствующее о качествѣ пистолета, способѣ, какимъ онъ былъ заряженъ, и причинѣ его разрыва, а также два рапорта объ обыскѣ, сдѣланномъ въ жилищѣ обвиненнаго, содержащіе въ себѣ подробную опись захваченныхъ тамъ предметовъ.

Послѣ этого чтенія, засѣданіе пріостановлено на десять минутъ, а затѣмъ приступлено къ допросу свидѣтелей, вызванныхъ по ходатайству обвиненнаго.

Первымъ изъ выслушанныхъ свидѣтелей былъ не названный по имени во французскихъ журналахъ подполковникъ Волынскаго уланскаго полка (?), въ которомъ служилъ обвиненный. Свидѣтель всегда зналъ Березовскаго за хорошаго и храбраго солдата, любимаго своими начальниками и товарищами. Свидѣтель, возвратясь во Францію, принималъ еще участіе въ обвиненномъ, и онъ-то отправилъ его въ Литтихъ для обученія ремеслу механика. Затѣмъ Березов-

скій, поступивъ рабочимъ къ г. Гуэну, въ теченіе семи мѣсяцевъ сдѣлалъ изъ своего жалованья нужныя сбереженія, чтобы вступить въ заведеніе Жоффрэ, для окончанія своего ученія. Все время, не занятое работой, онъ посвящалъ чтенію. Свидѣтель сожалѣетъ, что не могъ имѣть надзора за образованіемъ Березовскаго и руководить его въ выборѣ читаемыхъ имъ книгъ.

През. Вы знали его патріотическія чувства; но онъ никогда не говорилъ вамъ о своихъ замыслахъ противъ Царя?

О. Нѣтъ, никогда.

През. Вы не одобряете дѣла, въ которомъ онъ сдѣлался виновнымъ, и старались бы отклонить его, если бъ онъ сказалъ вамъ объ этомъ?

О. Да г. призидентъ.

Другой выслушанный свидѣтель, также соотечественникъ обвиненнаго, сражавшійся вмѣстѣ съ нимъ въ польскомъ повстаньѣ: Не смотря на заботливость, съ какою старались скрывать повстанье отъ дѣтей его возраста, Березовскій, имѣвшій тогда семнадцать лѣтъ отъ роду, взялся за пику, подобно другимъ полякамъ и всегда храбро исполнялъ свою обязанность, какъ солдатъ. Въ Парижѣ свидѣтель опять уви-

дѣлся съ обвиненнымъ и всегда находилъ его озабоченнымъ и занятымъ мыслью о свободѣ Польши. Это было его единственной заботой, и ничто не могло отвлечь его отъ нея. Желая учиться, онъ рѣшился изучить ремесло, которое, давая ему средства къ жизни, позволило бы въ тоже время дѣлать сбереженія, чтобы вступить въ пансіонъ. Тогда онъ поступилъ къ г. Жоффрэ. Всегда—говоритъ свидѣтель—я зналъ его за человѣка очень восторженнаго.

Третій свидѣтель въ пользу обвиненнаго, также родомъ изъ Польши, зналъ Березовскаго въ польскомъ повстаньѣ. Онъ былъ хорошимъ и храбрымъ солдатомъ, безукоризненной нравственности. Этотъ свидѣтель подтверждаетъ всѣ показанія обоихъ предыдущихъ, и прибавляетъ только, что онъ всегда зналъ обвиненнаго за человѣка съ весьма религіозными чувствами.

Директоръ учебнаго заведенія Жоффрэ, выслушанный вслѣдъ затѣмъ, показываетъ, что Березовскій, представленный ему полковникомъ, своимъ соотечественникомъ, жилъ въ этомъ заведеніи мѣсяцевъ семь. Отличаясь большимъ трудолюбіемъ, хорошимъ поведеніемъ, очень искренней религіозностью, онъ былъ любимъ всѣми съ нимъ жившими и своими начальниками.

Подмастерье г. Гуэна сообщаетъ также весьма благопріятныя свѣдѣнія о поведеніи обвиняемаго.

Допросъ свидѣтелей въ пользу обвиняемаго оконченъ.

По выслушаніи свидѣтелей, г. президентъ прочелъ присяжнымъ актъ по поводу обыска, сдѣланнаго на квартирѣ обвиненнаго. Содержаніе этого акта слѣдующее:

Березовскій жилъ въ третьемъ этажѣ одного дома улицы Меркадэ, въ комнатѣ, столь дурно освѣщенной слуховыми окнами, что она скорѣе походила на чердакъ, чѣмъ на квартиру. Въ ней стояла кровать; близъ двери наковальня и столярный станокъ; на стѣнѣ висѣла карта военныхъ дѣйствій Италіи съ Австріею. На станкѣ кусокъ свинца, изъ котораго, очевидно, весьма недавно была отдѣлена значительная часть.

Въ комнатѣ нашли слѣдующія книги: «Исторію Россіи и ея завоеваній;» нѣсколько любовныхъ писемъ къ неизвѣстной дѣвушкѣ; «Книгу духовъ;» «Многочисленность міровъ» Фонтенелля; «Вѣчнаго Жида» Э. Сю; «Исторію іезуитовъ» Цакконе, въ которой содержится нѣсколько разсказовъ о цареубійствахъ XVI и XVII вѣковъ; «По-

кушеніе Даміенса;» книга Марина, съ изложеніемъ соображеній по поводу цареубійствъ, совершенныхъ Жакомъ Клеманомъ и Равальякомъ.

На стѣнахъ нашли слѣдующія надписи: «Люди начинаютъ съ глупости и кончаютъ мошенничествомъ;» «Съ тѣхъ поръ, какъ я презираю глупцовъ, я ненавижу весь міръ», и проч.

Въ это время президентъ суда получилъ телеграмму касательно Березовскаго, вслѣдствіе которой онъ обращается къ подсудимому съ вопросами насчетъ его дяди, проживающаго въ Парижѣ. Березовскій сознается въ томъ, что у него дѣйствительно есть въ Парижѣ, не дядя, но мужъ его тетки, но онъ не знаетъ, гдѣ этотъ послѣдній проживаетъ

Защитникъ, Эммануэль Араго: Г. президентъ передалъ мнѣ депешу; но отъ кого она передана? Она начинается словами: *подлежащія власти*..... Какія это власти? Въ депешѣ говорится, что Березовскій имѣетъ родственника фанатика, который, во время возстанія, былъ предводителемъ банды и служилъ подъ начальствомъ полковника Ручезовскаго, и что этотъ родственникъ можетъ быть не чуждъ покушенія 25 го мая (6-го іюня).

Президентъ объявляетъ депешу не требующею дальнѣйшихъ разъяснепій.

Г. Араго: Подсудимый вспомнилъ мѣсто жительства своего дяди.

Березовскій: Онъ живетъ въ улицѣ Сенъ-Доминикъ-Сенъ-Жерменъ, 85.

Президентъ: Г. прокуроръ, слово за вами.

Прокуроръ съ убѣжденіемъ и силою развиваетъ обвиненіе. Березовскій — говоритъ онъ—ни мало не заслуживаетъ снисхожденія; онъ лично ни въ чемъ не можетъ сѣтовать на русское правительство; для него нѣтъ оправданій, если только политическія страсти не послужатъ ему въ уменьшеніе вины. Гг. Присяжные! Вспомните восторженные клики, которыми встрѣтилъ французскій народъ обоихъ Императоровъ послѣ покушенія; вспомните, что народъ хотѣлъ на мѣстѣ покончить съ преступникомъ, и что лишь силою удалось вырвать преступника изъ рукъ возмегодовавшей толпы. Эти люди, спасшіе его отъ правосудія народнаго, знали, что судъ надъ преступникомъ принадлежитъ присяжнымъ, и приговоръ присяжныхъ, соотвѣтствующій народнымъ чувствамъ, вызваннымъ покушеніемъ 6 іюня, будетъ послѣднимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія.

Президентъ: Г. защитникъ, слово за вами.

Эммануэль Араго: Я желалъ бы ознакомить присяжныхъ съ личностью подсудимаго, прежде нежели они перейдутъ къ его осужденію. Вы знаете, гг. присяжные, какія мученія испытывала Польша. Депеша г. Друэна-де-Люи къ г. Монтебелло, посланнику при Россійскомъ Дворѣ, напечатанная въ «Монитерѣ», утверждаетъ, что Польша въ 1863 г. была увлечена не революціонными стремленіями, но благородными исканіями справедливости, жаждою возстановить отечество и религію. Этимъ же стремленіямъ слѣдовалъ и Березовскій. Лишь только онъ былъ арестованъ, прежде нежели судебный слѣдователь приступилъ къ исполненію своей обязанности, подсудимый былъ допрашиваемъ русскимъ должностнымъ лицомъ, главнымъ начальникомъ русской полиціи, по русски спрашивавшимъ подсудимаго объ его имени и мѣстѣ жительства его родныхъ. Березовскій, знавшій, что его семейство проживаетъ въ Россіи, хотѣлъ спасти его: онъ не отвѣчалъ. Но ни отецъ его, ни его братъ не могли уже подвергаться дальнѣйшимъ опасностямъ: его отецъ находится въ тюрьмѣ уже три или четыре года, а его братъ сосланъ въ Сибирь, это

страшное мѣсто ссылки откуда никто не возвращается. Я имѣю подъ руками—говоритъ г. Араго—доказательства объ арестѣ и ссылкѣ отца и брата Березовскаго: вотъ листы «Московскихъ Вѣдомостей», откуда я почерпнулъ эти свѣдѣнія *).

Президентъ: Г. Араго, что это за журналы? Они издаются на русскомъ языкѣ?

Араго: Да, г. президентъ.

Президентъ: Поэтому мы не можемъ провѣрить вашихъ указаній. Мы вполнѣ уважаемъ права защитника, но тѣмъ не менѣе необходимо равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою. Вы представляете документъ въ послѣдней, защитительной рѣчи, не сообщивъ его прокурору.

Генеральный прокуроръ: Намъ невозможно провѣрить показанія журнала, котораго никто изъ насъ даже не умѣетъ прочесть.

Араго: Среди возраженій, раздающихся со всѣхъ сторонъ, мнѣ трудно вполнѣ обладать собою, тѣмъ болѣе, что при предъявленіи мною каждаго (?) документа, у меня требуютъ отчета, откуда онъ и какимъ образомъ дошелъ онъ ко мнѣ. Притомъ обоюдное сообщеніе доказательствъ необходимо

*) Это показаніе защитника ложное.

лишь въ дѣлахъ гражданскихъ, и вовсе не требуется въ процессахъ уголовныхъ.

Президентъ: Но невозможно также признать вполнѣ доказаннымъ документъ, писанный на языкѣ, котораго никто не понимаетъ. Поэтому обратимся къ судебнымъ преніямъ.

Араго: Подчиняюсь рѣшенію г. президента и не буду болѣе говорить о «Московскихъ Вѣдомостяхъ.» Защитникъ указываетъ затѣмъ на добрыя качества подсудимаго, признанныя свидѣтелями; подсудимый былъ увлеченъ чувствами великодушными, хотя и выразившимися въ преступномъ дѣяніи. Онъ понимаетъ теперь преступность своихъ дѣйствій и безплодность ихъ, въ случаѣ, если бы убійство совершилось. Но, во всякомъ случаѣ, кровь не была пролита. «Я убѣжденъ—говоритъ въ заключеніе защитникъ—что если бы вы, гг. присяжные, и осудили его, то это произошло бы противъ вашего внутренняго убѣжденія».

На вопросъ президента подсудимому, не имѣетъ ли онъ чего добавить, Березовскій отвѣчалъ: «Нѣтъ, г. президентъ; но я сожалѣю, что все это произошло въ дружественной намъ Франціи.»

Затѣмъ послѣдовалъ приговоръ присяжныхъ и опредѣленіе суда. Присяжные объявили Березовскаго виноватымъ, но съ облегчающими вину обстоятельствами; судъ присудилъ его къ вѣчной каторжной работѣ.

—По поводу защитительной рѣчи, произнесенной въ судѣ присяжныхъ г Эммануэлемъ Араго, по дѣлу преступника Березовскаго, рѣчи, отличавшейся чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ революціонным стремленіямъ Польши, «Journal de St.-Pétersbourg» замѣчаетъ слѣдующее: «Защитникъ Березовскаго не преминулъ употребить въ дѣло всѣ тѣ эффектные аргументы, къ которымъ постоянно прибѣгали всѣ приверженцы и поборники польскаго возстанія. Онъ преимущественно налегалъ на мѣры, употребленныя для подавленія возстанія, и истощалъ всѣ силы своего краснорѣчія въ изображеніи грустной картины сильныхъ мѣръ, сопровождавшихъ усмиреніе мятежа, не говоря ни слова о жестокостяхъ, совершенныхъ мятежниками, и объ ихъ неслыханныхъ изувѣрствахъ. Въ его глазахъ одно только дѣло революціи было законно и заслуживало сочувствія. Ему не трудно было бы представить своего кліента сумасшедшимъ; но онъ предпочелъ сдѣлать изъ него

героя и восхищаться имъ. По всей вѣроятности, судъ присяжныхъ принялъ во вниманіе молодость преступника и тлетворное вліяніе, которое имѣлъ на него нравственность тонкій ядъ вредныхъ книгъ. Г. Араго увлекся до того, что даже просилъ судъ простить преступнику. Но присяжные единодушно объявили его виновнымъ и, только изъ состраданія къ нему, допустили облегчительныя обстоятельства».

«Судъ приговорилъ виновнаго къ самой высшей степени наказанія, къ какой только можетъ онъ присуждать преступниковъ на основаніи закона».

«Считаемъ не безполезнымъ указать здѣсь на слѣдующее мѣсто защитительной рѣчи г. Араго. Говоря о Сибири, онъ сказалъ: «Это страшное мѣсто ссылки, изъ котораго никто не возвращается». Защитникъ Березовскаго ошибается. Изъ Сибири возвращаются точно также, какъ возвращаются во Франціи изъ Ламбесской тюрьмы и Кайэнны. Чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, ему стоитъ только спросить объ этомъ французовъ, участвовавшихъ въ польскомъ возстаніи и сосланныхъ въ Сибирь, но которые были помилованы въ послѣдствіи Государемъ Императоромъ и возвратились во Францію».

— Парижскій корреспондентъ газеты «Nord» пишетъ по тому же предмету: «Я только что возвратился изъ суда присяжныхъ. Телеграфъ уже передалъ вамъ приговоръ, состоявшійся надъ Березовскимъ, съ допущеніемъ въ его пользу облегчительныхъ обстоятельствъ».

«Генеральный прокуроръ, г. Марпа, говорилъ далеко неудовлетворительно. Голосъ его слабъ, и слова его по видимому даже не достигали слуха присяжныхъ. Съ первыхъ же словъ г. Араго, который, за отсутствіемъ ораторскихъ способностей, умѣетъ округлять свои выраженія и обладаетъ навыкомъ и искусствомъ опытнаго адвоката, обнаружилось преимущество защитника надъ обвинителемъ. Впрочемъ рѣчь г. Араго была однимъ лишь повтореніемъ обычныхъ обвиненій, которыми такъ усердно осыпали Россію огнедышащія статьи газетъ «Opinion nationale» и «Siècle». Оратора не останавливали, и онъ далъ полную свободу своимъ выраженіямъ. Внимая его словамъ, можно было подумать, что на скамьѣ обвиненныхъ сидѣла Россія, противъ которой призванъ былъ высказаться судъ».

2007096036

P 41/296

Р 41/296

36

СУДЪ ВЪ ПАРИЖѢ

НАДЪ БЕРЕЗОВСКИМЪ,

ПОКУШАВШИМСЯ НА ЖИЗНЬ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО.

КАЗАНЬ.
Въ университетской типографіи.
1867.

JE

Дозволено цензурою. Казань, 19 іюля 1867 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

5607-65

2007096036

По окончаніи предварительнаго слѣдствія, которое, не смотря на мѣры, принятыя судебными властями для ускоренія его производства, продолжалось не менѣе трехъ недѣль, дѣло о покушеніи 25-го мая (6-го іюня) было передано на рѣшеніе сенскаго суда присяжныхъ. Предварительное слѣдствіе съ полною очевидностію обнаружило, что виновникъ покушенія на жизнь Императора Всероссійскаго не имѣлъ соучастниковъ, вопреки распространившимся слухамъ, что преступникъ дѣйствовалъ не одинъ. Читателямъ газетъ памятно вѣроятно, что настроенное воображеніе многихъ лицъ представляло Булонскій лѣсъ, наполненнымъ множествомъ заговорщиковъ; между тѣмъ покушеніе 25-го мая (6-го іюня) было преступленіемъ отдѣльнаго лица.

Березовскій на всѣхъ допросахъ принималъ на себя одного всю отвѣтственность

въ своемъ преступномъ дѣяніи. Онъ увѣрялъ, будто бы еще съ юношескихъ лѣтъ онъ далъ клятвенный обѣтъ ознаменовать свою любовь къ Польшѣ какимъ либо громкимъ дѣломъ. Въ карманѣ его пальто, оставленнаго имъ у одного виноторговца, была найдена, какъ извѣстно, книга, касающаяся Польши, и въ которой были приведены слова клятвы, данной Киленскимъ и состоящей изъ слѣдующихъ выраженій: «Обязуюсь всѣми возможными средствами подготовить успѣхъ революціи».

Намъ кажется излишнимъ припоминать обстоятельства, сопровождавшія покушеніе 25-го мая (6 іюня), ибо они уже извѣстны всѣмъ и каждому до мельчайшихъ подробностей. Затѣмъ остается только обратиться къ самой личности преступника и изложить подробный ходъ процесса, знакомящій насъ съ характеромъ преступника и причинами, вызвавшими въ немъ преступное намѣреніе лишить жизни Императора Всероссійскаго. 3-го (15-го) іюля многочисленное стеченіе публики наполняло залу сенскаго суда присяжныхъ. Между присутствовавшими не было видно дамъ, но за то лучшія мѣста были заняты многими изъ вліятельныхъ членовъ польской эмиграціи и важными дол-

жностными лицами. На столѣ передъ скамьею присяжныхъ лежали предметы, долженствовавшіе служить уликами противъ преступника. Предметы эти составляли: двухствольный пистолетъ Березовскаго, одинъ изъ стволовъ котораго разорвало, нѣсколько книгъ, составлявшихъ библіотеку преступника, нѣсколько записокъ, пистолетныя принадлежности, пистоны, порохъ, пули, красный шерстяной шарфъ и пальто, найденное у виноторговца, въ которомъ находилась книга, заключающая въ себѣ клятву Киленскаго.

Въ засѣданіи суда долженъ былъ, какъ извѣстно, предсѣдательствовать г. Девьэнъ; но, по растроенному здоровью, онъ не могъ явиться въ судъ, и вмѣсто его предсѣдательствовалъ совѣтникъ г. Бертелень.

Въ десять съ половиною часовъ обвиняемый былъ введенъ въ залу. Онъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ и нѣсколько смугловатымъ лицомъ. Лобъ его, высокій и правильный, наполовину прикрытъ темнорусыми волосами. Правильный оваль его лица окаймленъ рѣденькою бородкою. Онъ носитъ усы. Лѣвая рука его подвязана черпымъ шарфомъ. Войдя въ залу присутствія, онъ привѣтливо улыбнулся своему защитнику г.

Эммануэлю Араго, и обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами. Онъ поклонился нѣсколькимъ изъ своихъ знакомыхъ, находившихся въ залѣ.

Въ четверть двѣнадцатаго засѣданіе открылось и подлинность личности преступника была признана и заявлена президентомъ г. Бертеленомъ. На прокурорскомъ креслѣ сидѣлъ генеральный прокуроръ г. Марма. Защитникомъ обвиняемаго былъ г. Эммануэль Араго.

Послѣ присяги присяжныхъ, во время которой лицо преступника побѣднѣло, какъ бы подъ вліяніемъ внутренняго волненія, президентъ приказалъ прочесть обвинительный актъ. Формальность эта была выполнена судебнымъ приставомъ г. Коммерсономъ. Обвинительный актъ содержитъ въ себѣ подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, подготовившихъ и сопровождавшихъ преступленіе.

По прочтеніи обвинительнаго акта, который Березовскій выслушалъ не безъ нѣкотораго душевнаго волненія, президентъ приказалъ раздать присяжнымъ планъ мѣстности, прилегающей къ булонскому водопаду, и затѣмъ приступилъ къ допросу.

Президентъ. Встаньте, Березовскій! Извѣстно ли вамъ, живъ ли еще вашъ отецъ?

Обвиняемый. Нѣтъ, г. президентъ, я не знаю, живъ ли онъ, и не знаю также, гдѣ онъ теперь находится.

През. Но вѣдь вы сами заявили при слѣдствіи, что вашъ отецъ живетъ въ Россіи, гдѣ онъ даетъ уроки на фортепіяно?

Обв. Я уже давно не имѣю о немъ никакого извѣстія.

През. У васъ три брата—гдѣ они?

Обв. У меня два брата и одна сестра; но я не знаю, гдѣ они находятся.

През. Не извѣстно ли вамъ, скончались ли они, были они арестованы или преслѣдуемы за что либо русскими властями?

Обв. Нѣтъ, г. президентъ.

През. Вы воспитывались у вашей бабушки, гдѣ получили первоначальное образованіе. Наступилъ 1863 годъ—годъ польскаго возстанія. Вашъ отецъ уговаривалъ васъ не принимать участія въ смутахъ. Вы не послушались его, и онъ васъ проклялъ.

Обв. Это правда.

През. Его проклятіе принесло вамъ несчастіе.....

Обв. Въ этомъ виноватъ тотъ, который насъ угнетаетъ.

През. Вы удалились сначала въ Галицію, а потомъ въ Германію, въ Мюнхенъ, Литтихъ. Тамъ вы занимались ремесломъ оружейника.

Обв. Нѣтъ, г. президентъ, я былъ работникомъ на механическомъ заводѣ, гдѣ приготовлялись паровыя машины.

През. Слѣдовательно вы не обучались оружейному мастерству?

Обв. Нѣтъ, я былъ только механикомъ.

През. Вы прибыли въ январѣ 1865 г. въ Парижъ и поступили къ г. Гуэну.

Обв. Да, г. президентъ.

През. Въ 1865 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, вы возымѣли намѣреніе довершить свое образованіе съ помощью небольшихъ денегъ, которыми вы тогда располагали?

Обв. Это правда; но я вышелъ изъ училища по недостатку средствъ.

През. Вы снова поступили къ г. Гуэну, отъ котораго вы ушли 15-го (27-го) мая?

Обв. Я окончательно покинулъ его по тому, что былъ нездоровъ.

През. Въ концѣ мая вы отправились въ Мони, въ департаментъ Уазы, къ одному поляку изъ вашихъ знакомыхъ, занимающемуся слесарскимъ ремесломъ. Вы оставались у него только нѣсколько дней. Зачѣмъ вы его оставили?

Обв. Я разстался съ нимъ потому только, что не умѣлъ хорошо работать.

През. Дѣйствительно этотъ полякъ объявилъ, что не хотѣлъ держать васъ потому, что вы плохо знали его мастерство. Вы возвратились въ Парижъ 1-го іюня, въ два часа по полудни, по сѣверной желѣзной дорогѣ и остались на станціи, чтобы присутствовать при въѣздѣ Русскаго Царя.

Обв. Точно, я Его видѣлъ на станціи.

През. Зачѣмъ вы были тамъ?

Обв. Чтобы видѣть, могъ ли я наказать Его за все то, что онъ сдѣлалъ, а также и для того, чтобы не допустить Его святотатственно ступить ногою на французскую землю. (*Движеніе*).

През. Съ той ли самой минуты вы рѣшились убить Царя?

Обв. Съ той самой. Но еще и прежде, въ моемъ отечествѣ, я всегда желалъ отмстить Ему. Я не хотѣлъ убить Его, когда я былъ въ Польшѣ, зная, что не могъ бы исполнить своего намѣренія. Но когда я увидѣлъ возможность лишить Его жизни во Франціи, то не колебался ни минуты. (*Общее волненіе*).

През. Поэтому вы воспользовались гостепріимствомъ Франціи, чтобы посягнуть на жизнь Царя. Вы не приняли въ уваженіе

радушнаго пріема, оказаннаго императоромъ Наполеономъ вашему Государю. (*Обращаясь къ присяжнымъ*). Гг. присяжные, вы должны были замѣтить, что обвиняемый объясняется съ большимъ трудомъ. Это происходитъ отъ природнаго порока въ выговорѣ, о чемъ было заявлено при слѣдствіи. Я дѣлаю вамъ это замѣчаніе для того, чтобы вы не приписывали этого обстоятельства его смущенію.

Г. Эммануэль Араго. Онъ хорошо говоритъ по-польски, но затрудняется французскимъ языкомъ.

През. Обвиняемый, не сообщали ли вы кому-нибудь о своемъ намѣреніи?

Обв. Нѣтъ, г. президентъ, рѣшительно никому.

През. Мнѣ это кажется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что у васъ было много знакомыхъ.

Обв. Я не рѣшился бы никому повѣрить мою тайну, опасаясь измѣны.

През. При производствѣ слѣдствія не было обнаружено ничего такого, что могло бы навести на слѣдъ какихъ либо соучастниковъ. 22-го мая (3-го іюня) вы отправились просить вспомоществованія, которое даетъ вамъ Франція, чтобы купить оружіе

для совершенія преступленія. Вы пошли въ театръ, съ цѣлію узнать будетъ ли Русскій Царь присутствовать въ немъ на парадномъ спектаклѣ.

Обв. Дѣйствительно, я отправился въ день параднаго спектакля къ театру, чтобы посмотрѣть, не могу ли я подойти къ Царю.

През. Вечеромъ 23-го мая (4-го іюня) вы ожидали Его у театральнаго подъѣда.

Обв. Правда; я даже бѣжалъ за каретою до елисейскаго дворца, крича: «*Да здравствуетъ Императоръ!*» Я это сдѣлалъ, чтобы хорошенько разглядѣть обоихъ Императоровъ и чтобы умѣть отличить одного отъ другаго.

През. Вы купили у Бруневилля пистолетъ. Вамъ показали одноствольный, а вы потребовали двухствольный: зачѣмъ?

Обв. Затѣмъ, что я непремѣнно хотѣлъ попасть въ Царя.

През. Пистолетъ стоилъ вамъ восемь франковъ?

Обв. Нѣтъ, девять; но это не имѣетъ никакой важности. (*Обвиняемый смѣется*).

Преступникъ сознался затѣмъ, что купилъ также пули, но нашелъ ихъ слишкомъ малыми, что повидимому кажется доказательствомъ умѣнья его обращаться съ огне-

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

стрѣльнымъ оружіемъ. Онъ купилъ пороху на цѣлый франкъ и потомъ досталъ одинъ нумеръ «Монитера», чтобы освѣдомиться, въ которомъ часу долженъ былъ начаться смотръ 25-го мая (6-го іюня).

През. Имѣли ли вы въ эту минуту намѣреніе убить Царя?

Обв. Да, имѣлъ, г. президентъ; въ этомъ я чистосердечно сознаюсь.

Президентъ объясняетъ присяжнымъ, какимъ образомъ былъ заряженъ пистолетъ, и показалъ имъ самое оружіе.

През. Отправившись изъ Батиньоля утромъ въ день смотра, вы остановились въ аллеѣ императрицы и оттуда.....

Обв. Я дошелъ пѣшкомъ до водопада, у котораго остановился. Я присутствовалъ на смотру съ единственною цѣлію воспользоваться удобною минутою, чтобы убить Царя.

През. Вы видѣли, какъ Императорскій экипажъ приближался, направляясь къ мѣсту соединенія двухъ дорогъ, ведущихъ къ озеру. Карета, въ которой находились оба Императора и Великіе Князья, ѣхала шагомъ.

Обв. Я не обращалъ на это вниманія.

През. Императоръ, замѣтивъ, что аллея, пролегавшая съ лѣвой стороны, была за-

нята значительнымъ скопленіемъ экипажей, приказалъ кортежу свернуть вправо и ѣхать по другой аллеѣ. Тогда вы побѣжали и, обогнувъ резервуаръ каскада, остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются аллея резервуара съ аллеею, по которой ѣхалъ Императорскій поѣздъ. Карета ѣхала шагомъ. Публики было не много, и вы подошли къ ней.

Обв. Я не запомню всѣхъ подробностей, о которыхъ вы упоминаете г. президентъ, ибо я имѣлъ предъ глазами только одну цѣль—выстрѣлить въ Императора.

През. На кого вы цѣлились преимущественно?

Обв. Я хотѣлъ убить одного только Царя и цѣлился въ Него одного.

През. Вы были ранены?

Обв. Да, г. президентъ, что и было причиною моего обморока.

През. Васъ схватили. Вы хотѣли кричать, но вамъ зажали ротъ.

Обв. Я хотѣлъ крикнуть: *Да здравствуетъ Польша!*

През. Полицейскій агентъ зажалъ вамъ ротъ ладонью, и вы не могли кричать, а только успѣли выкрикнуть первыя слова.

Обв. Я хотѣлъ дать почувствовать, что я это сдѣлалъ ради Польши.

През. Изъ пистолета вылетѣла только одна пуля. Вы стрѣляли наискось.

Обв. Я знаю только, что я цѣлилъ въ голову Царя. Я зналъ, что если попаду въ Него, то уже убью Его на мѣстѣ.

През. Но съ какого права вы посягали на жизнь Царя?

Обв. Я имѣлъ право. (*Взволнованнымъ голосомъ*). Онъ убилъ нашъ край. Онъ уничтожилъ его жителей. Однимъ почеркомъ пера Онъ отправилъ всѣхъ въ Сибирь—и послѣ всего этого я не имѣлъ бы права убить Его!

През. Вы не имѣли права принимать на себя такое дѣло, къ осуществленію котораго вы не были призваны.

Обв. Это призваніе я почерпалъ въ чувствахъ моего сердца, сокрушавшагося при видѣ бѣдствій моего отечества.

През. Но коль скоро вы не признавали Русскаго Царя вашимъ государемъ....

Обв. О нѣтъ!....

През. То Онъ все таки человѣкъ, и никто не имѣетъ права посягать на жизнь своего ближняго...

Обв. Царь не можетъ быть моимъ ближнимъ, Я не знаю, какимъ именемъ назвать Его. Его нельзя почитать, и имя Его не можетъ быть уважаемо.

През. Но вы отстаиваете здѣсь теорію цареубійства. Богъ запрещаетъ убивать.

Обв. Я не Богъ.

През. Что вы не Богъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія (*слухъ, тотчасъ же замолкнувшій*), но вы отвѣчали, что вы сами произнесли свой судъ надъ Царемъ. Вы не имѣли права судить царей.

Обв. Оставаясь въ живыхъ, Царь, по смерти своей, былъ бы ввергнутъ правосуднымъ Богомъ въ адъ, тогда какъ, искупивъ свой грѣхъ смертью, которую я приготовлялся нанести Ему, Онъ былъ бы счастливѣе на томъ свѣтѣ.

През. Ну а если бы ваша пуля поразила другаго?

Обв. Я зналъ, что моя пуля не могла попасть въ императора французовъ.

През. Но если бы лошадь г. Рембо не подоспѣла во время къ дверцамъ кареты, могли ли вы предвидѣть, куда направится полетъ вашей пули? Вы сказали при допросѣ, что польская пуля не можетъ поразить императора французовъ. Но это только фраза, а не отвѣтъ. Если бы кучеръ ускорилъ шагъ лошадей, лошадь г. Рембо осталась бы назади—вы попали бы въ императора французовъ.

Обв. О нѣтъ, я былъ слишкомъ увѣренъ въ моемъ пистолетѣ.

Г. Эммануэль Араго. Я желаю заявить, что лицо иноземнаго происхожденія, начальникъ русской полиціи, присутствовалъ при первомъ допросѣ обвиненнаго.

През. Обстоятельство это не касается сущности дѣла.

Заявленіе г. Араго было оставлено безъ послѣдствій и приступлено къ спросу свидѣтелей.

Г. Рэмбо (Фирмепъ), тридцати трехъ лѣтъ, шталмейстеръ императора: По возвращеніи съ смотра, я имѣлъ честь сопровождать карету, гдѣ находились оба Императора и оба Великіе Князья Русскіе. Я находился при лѣвой дверцѣ. Карета ѣхала медленно. Мнѣ показалось, что какой-то человѣкъ дѣлаетъ движеніе обѣими руками, приближаясь къ каретѣ съ боку; я пришпорилъ свою лошадь; раздался выстрѣлъ, и кровь отъ раны лошади брызнула въ самую карету. Пуля попала лошади между глазомъ и поздрей; она истекала кровью, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе, я долженъ былъ спѣшиться. Пуля была направлена приблизительно на высоту плечъ Государя.

През. Вы, г. Рэмбо, спасли жизнь Гостя Франціи. Судъ васъ съ этимъ поздравляетъ.

Г. Бонно (Жанъ-Пьеръ), пятидесятишести лѣтъ, домовладѣлецъ: Я отправился на смотръ въ Булонскомъ лѣсу, и только что прошелъ мимо каскада, какъ увидѣлъ приближеніе Императорскаго поѣзда. Въ ту же минуту раздался выстрѣлъ, и я увидѣлъ, среди десятка лицъ, человѣка, который опустилъ голову и блѣднѣлъ. Онъ былъ раненъ. Я схватилъ и тотчасъ же вскричалъ: Вотъ убійца!

В. Какіе слышались крики?

О. Сначала кричали: Да здравствуетъ императоръ! а затѣмъ послышались со всѣхъ сторонъ повторившіеся крики: Убьемъ его! Убьемъ его! Тогда я крикнулъ: «Съ нимъ ничего не должно дѣлать: его будутъ судить».

През. Вы поступили очень хорошо.

Г. Любе (Жанъ-Шарль), сорока двухъ лѣтъ, капитанъ парижской стражи. Подтвердивъ подробности о покушеніи, заявленныя уже другими свидѣтелями, г. Любэ объясняетъ, какъ ему пришлось бороться цѣлыхъ двадцать минутъ, чтобы избавить Березовскаго отъ гнѣва лицъ, окружавшихъ его.

Г. Аренкъ-де-Прэль (Эрнстъ Огюстъ), сорока одного года, кавалерійскій капитанъ парижской стражи, помогъ предыдущему свидѣтелю защитить убійцу отъ присутствовавшихъ, которые хотѣли его повѣсить или *вздернуть на сукъ*, какъ они выражались. Онъ достигъ своей цѣли лишь съ большимъ трудомъ.

През. Г. капитанъ, вы доблестно исполнили вашу обязанность, какъ это дѣлается впрочемъ всѣми тѣми, кто носитъ вашъ мундиръ.

Г. Гиродонъ (Шарлъ-Жозефъ). Тридцати семи лѣтъ, парижскій стражъ.

През. Пропустимъ факты уже извѣстные и перейдемъ къ минутѣ арестованія обвиненнаго. Что кричалъ онъ?

О. Онъ кричалъ: «Да здравствуетъ Польша!»

Г. Польвернни, Бартелеми, сорока одного года, инспекторъ полиціи.

През. Вы содѣйствовали къ арестованію человѣка, котораго видите тамъ. Долго ли это длилось?

О. Около двадцати минутъ; со всѣхъ сторонъ кричали: его надо повѣсить, вздернуть!

Г. Кларонъ-Карло (Жанъ-Батистъ), пятидесяти двухъ лѣтъ, капиталистъ.

През. Вы были тамъ въ минуту покушенія: видѣли вы, какъ онъ выстрѣлилъ изъ пистолета.

О. Нѣтъ, г. президентъ, я только способствовалъ къ его арестованію; я схватилъ его за воротъ и слышалъ, какъ окружавшіе кричали: «Расправимся съ нимъ сами!»

Г. Мальяръ (Шарль-Констанъ), архитекторъ.

През. Что вы знаете?

О. Я возвращался со смотра, и фронтъ эскадрона направлялся въ мою сторону, какъ вдругъ, въ минуту проѣзда императора, я услышалъ выстрѣлъ. Я тотчасъ же закричалъ: гдѣ онъ? гдѣ онъ? и, обернувшись, увидѣлъ обвиненнаго, съ отвисшей и окровавленной рукой. Всѣ кричали: Убьемъ его! убьемъ его! но, благодаря вмѣшательству капитана парижской стражи, его успѣли защитить отъ гнѣва толпы и посадить въ фіякръ.

Г. Гранжанъ (Луп-Франсуа), сорока двухъ лѣтъ, служитель при канцеляріи законодательнаго корпуса.

През. Вы были возлѣ обвиненнаго, когда онъ выстрѣлилъ?

О. Да, г. президентъ.

В. Когда его арестовали, не грозились ли убить его?

О. Да, г. президентъ.

Г. Гершъ (Симонъ-Жозефъ), тридцати семи лѣтъ, квартирмейстеръ парижской стражи.

През. Перейдемъ къ той минутѣ, когда этотъ человѣкъ былъ арестованъ и посаженъ въ карету. Вы сидѣли вмѣстѣ съ нимъ въ этой каретѣ: былъ ли онъ въ обморокѣ?

О. Онъ казался въ обморокѣ, но, слыша крики: да здравствуетъ императоръ! онъ повидимому пришелъ въ себя и сталъ кричать: Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ Польша! Тогда я ему сказалъ: Какъ? вы кричите: «да здравствуетъ императоръ!» а стрѣляли по его каретѣ? Онъ отвѣчалъ: Я стрѣлялъ не въ императора, а въ Царя, чтобы отмстить за мою страну.

Г. Бюскайль (Луи), тридцати четырехъ лѣтъ, квартирмейстеръ той же стражи.

През. Вы сопровождали обвиненнаго въ каретѣ?

О. Да, г. президентъ. Онъ казался сначала въ обморокѣ, но вскорѣ сталъ кричать: «Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ Польша!» Я даже распросилъ его; онъ мнѣ сказалъ свое имя, свое жительство. Когда я его спросилъ, есть ли у него сообщники, то онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, что онъ одинъ за свою родину.

Г. Шаррье (Николай), тридцати семи лѣтъ, таможенный чиновникъ въ Мюльгаузенѣ.

В. Вы были тамъ въ минуту арестованія: видѣли вы, какъ вотъ этотъ человѣкъ выстрѣлилъ изъ пистолета?

О. Да, г. президентъ: пистолетъ поднятъ мною.

В. Что говорили въ толпѣ?

О. Кричали со всѣхъ сторонъ: «убьемъ его! убьемъ его!»

Г. Рибатонъ (Поль), сорока трехъ лѣтъ, виноторговецъ, съемщикъ квартиръ.

В. Вы были въ числѣ лицъ, способствовавшихъ къ арестованію?

О. Да, г. президентъ, и я поднялъ кусокъ пистолета, изъ котораго стрѣлялъ убійца.

Г. Роберъ (П.-Жозефъ), сорока трехъ лѣтъ, полковникъ генеральнаго штаба.

В. Вы присутствовали при дѣйствіяхъ, предъявленныхъ правосудію: видѣли вы, какъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ?

О. Полезныя свѣдѣнія, которыя я могу дать, касаются топографіи мѣстности. Я былъ тамъ и могу засвидѣтельствовать, что Березовскій, бывшій метрахъ въ восьми отъ меня, долженъ былъ выстрѣлить вкось. Убійцу окружало весьма мало народа. Онъ

былъ арестованъ почти немедленно; но я не могъ слышать криковъ, раздавшихся на его счетъ, потому что я въ это время ушелъ.

Г. Зеллеръ (Эмиль), сорока трехъ лѣтъ, ветеринарный врачъ при императорскихъ конюшняхъ, во дворцѣ Сенъ-Клу, свидѣтельствовалъ положеніе раны лошади г. Рэмбо. Пуля прошла по горизонтальному направленію и должна была попасть въ верхнюю часть тѣла лицъ, находившихся въ каретѣ.

Затѣмъ выслушаны показанія свидѣтеля, начертившаго планъ мѣстности, гдѣ было совершено преступленіе, и оружейника, продавшаго пистолетъ.

През. По какой именно причинѣ разорвался этотъ пистолетъ?

О. Потому что онъ былъ слишкомъ сильно заряженъ.

В. Вы же продали и пули?

О. Да, г. президентъ; но онѣ были слишкомъ малы; я не имѣлъ пуль надлежащаго калибра.

Г. Бускэно (Эжень), семнадцати лѣтъ, мальчикъ въ винторговлѣ. 25-го мая (6-го іюня) обвиненный оставилъ у насъ свое сѣрое пальто и почти вслѣдъ затѣмъ ушелъ.

През. Имѣлъ ли онъ взволнованный видъ?

О. Я этого не замѣтилъ.

Г. Моравскій (Жозефъ), пятидесяти двухъ лѣтъ, слесарь-механикъ въ Муи (департ. Уазы).

В. Вы давно знасте обвиненнаго?

О. Это мой соотечественникъ. Онъ пріѣзжалъ къ намъ на шесть дней, чтобы учиться ремеслу. Я не оставилъ его у себя, потому что онъ не довольно хорошо работалъ; затѣмъ онъ уѣхалъ, сказавъ мнѣ, что больше уже не пріѣдетъ.

В. Онъ ничего не говорилъ вамъ о своихъ замыслахъ?

О. Я никогда не говорилъ съ нимъ о политикѣ.

Г. Гатифъ (Альфонсъ), девятнадцати лѣтъ, рабочій, механикъ въ Муи.

В. Вы никогда не видали обвиненнаго у вашего хозяина?

О. Видѣлъ, г. президентъ.

В. Онъ хорошо работалъ.

О. Нѣтъ, г. президентъ.

В. О чемъ говорилъ онъ, бесѣдуя съ вами?

О. Онъ говорилъ о войнахъ Наполеона I.

В. Онъ ничего не говорилъ вамъ о своихъ замыслахъ?

О. Нѣтъ. Онъ иногда говаривалъ при мнѣ, что хотѣлъ бы лучше быть пастухомъ, нежели механикомъ, потому что тогда онъ остался бы одинъ и могъ бы читать на свободѣ.

Затѣмъ президентъ читаетъ заключеніе г. Девима, оружейника, свидѣтельствующее о качествѣ пистолета, способѣ, какимъ онъ былъ заряженъ, и причинѣ его разрыва, а также два рапорта объ обыскѣ, сдѣланномъ въ жилищѣ обвиненнаго, содержащіе въ себѣ подробную опись захваченныхъ тамъ предметовъ.

Послѣ этого чтенія, засѣданіе пріостановлено на десять минутъ, а затѣмъ приступлено къ допросу свидѣтелей, вызванныхъ по ходатайству обвиненнаго.

Первымъ изъ выслушанныхъ свидѣтелей былъ не названный по имени во французскихъ журналахъ подполковникъ Волынскаго уланскаго полка (?), въ которомъ служилъ обвиненный. Свидѣтель всегда зналъ Березовскаго за хорошаго и храбраго солдата, любимаго своими начальниками и товарищами. Свидѣтель, возвратясь во Францію, принималъ еще участіе въ обвиненномъ, и онъ-то отправилъ его въ Литтихъ для обученія ремеслу механика. Затѣмъ Березов-

скій, поступивъ рабочимъ къ г. Гуэну, въ теченіе семи мѣсяцевъ сдѣлалъ изъ своего жалованья нужныя сбереженія, чтобы вступить въ заведеніе Жоффрэ, для окончанія своего ученія. Все время, не занятое работой, онъ посвящалъ чтенію. Свидѣтель сожалѣетъ, что не могъ имѣть надзора за образованіемъ Березовскаго и руководить его въ выборѣ читаемыхъ имъ книгъ.

През. Вы знали его патріотическія чувства; но онъ никогда не говорилъ вамъ о своихъ замыслахъ противъ Царя?

О. Нѣтъ, никогда.

През. Вы не одобряете дѣла, въ которомъ онъ сдѣлался виновнымъ, и старались бы отклонить его, если бъ онъ сказалъ вамъ объ этомъ?

О. Да г. призидентъ.

Другой выслушанный свидѣтель, также соотечественникъ обвиненнаго, сражавшійся вмѣстѣ съ нимъ въ польскомъ повстаньѣ: Не смотря на заботливость, съ какою старались скрывать повстанье отъ дѣтей его возраста, Березовскій, имѣвшій тогда семнадцать лѣтъ отъ роду, взялся за пику, подобно другимъ полякамъ и всегда храбро исполнялъ свою обязанность, какъ солдатъ. Въ Парижѣ свидѣтель опять уви-

дѣлся съ обвиненнымъ и всегда находилъ его озабоченнымъ и занятымъ мыслью о свободѣ Польши. Это было его единственной заботой, и ничто не могло отвлечь его отъ нея. Желая учиться, онъ рѣшился изучить ремесло, которое, давая ему средства къ жизни, позволило бы въ тоже время дѣлать сбереженія, чтобы вступить въ пансіонъ. Тогда онъ поступилъ къ г. Жоффрэ. Всегда—говоритъ свидѣтель—я зналъ его за человѣка очень восторженнаго.

Третій свидѣтель въ пользу обвиненнаго, также родомъ изъ Польши, зналъ Березовскаго въ польскомъ повстаньѣ. Онъ былъ хорошимъ и храбрымъ солдатомъ, безукоризненной нравственности. Этотъ свидѣтель подтверждаетъ всѣ показанія обоихъ предыдущихъ, и прибавляетъ только, что онъ всегда зналъ обвиненнаго за человѣка съ весьма религіозными чувствами.

Директоръ учебнаго заведенія Жоффрэ, выслушанный вслѣдъ затѣмъ, показываетъ, что Березовскій, представленный ему полковникомъ, своимъ соотечественникомъ, жилъ въ этомъ заведеніи мѣсяцевъ семь. Отличаясь большимъ трудолюбіемъ, хорошимъ поведеніемъ, очень искренней религіозностью, онъ былъ любимъ всѣми съ нимъ жившими и своими начальниками.

Подмастерье г. Гуэна сообщаетъ также весьма благопріятныя свѣдѣнія о поведеніи обвиняемаго.

Допросъ свидѣтелей въ пользу обвиняемаго оконченъ.

По выслушаніи свидѣтелей, г. президентъ прочелъ присяжнымъ актъ по поводу обыска, сдѣланнаго на квартирѣ обвиненнаго. Содержаніе этого акта слѣдующее:

Березовскій жилъ въ третьемъ этажѣ одного дома улицы Меркадэ, въ комнатѣ, столь дурно освѣщенной слуховыми окнами, что она скорѣе походила на чердакъ, чѣмъ на квартиру. Въ ней стояла кровать; близъ двери наковальня и столярный станокъ; на стѣнѣ висѣла карта военныхъ дѣйствій Италіи съ Австріею. На станкѣ кусокъ свинца, изъ котораго, очевидно, весьма недавно была отдѣлена значительная часть.

Въ комнатѣ нашли слѣдующія книги: «Исторію Россіи и ея завоеваній;» нѣсколько любовныхъ писемъ къ неизвѣстной дѣвушкѣ; «Книгу духовъ;» «Многочисленность міровъ» Фонтенелля; «Вѣчнаго Жида» Э. Сю; «Исторію іезуитовъ» Цакконе, въ которой содержится нѣсколько разсказовъ о цареубійствахъ XVI и XVII вѣковъ; «По-

кушеніе Даміенса;» книга Марина, съ изложеніемъ соображеній по поводу цареубійствъ, совершенныхъ Жакомъ Клеманомъ и Равальякомъ.

На стѣнахъ нашли слѣдующія надписи: «Люди начинаютъ съ глупости и кончаютъ мошенничествомъ;» «Съ тѣхъ поръ, какъ я презираю глупцовъ, я ненавижу весь міръ», и проч.

Въ это время президентъ суда получилъ телеграмму касательно Березовскаго, вслѣдствіе которой онъ обращается къ подсудимому съ вопросами насчетъ его дяди, проживающаго въ Парижѣ. Березовскій сознается въ томъ, что у него дѣйствительно есть въ Парижѣ, не дядя, но мужъ его тетки, но онъ не знаетъ, гдѣ этотъ послѣдній проживаетъ

Защитникъ, Эммануэль Араго: Г. президентъ передалъ мнѣ депешу; но отъ кого она передана? Она начинается словами: *подлежащія власти*..... Какія это власти? Въ депешѣ говорится, что Березовскій имѣетъ родственника фанатика, который, во время возстанія, былъ предводителемъ банды и служилъ подъ начальствомъ полковника Ручезовскаго, и что этотъ родственникъ можетъ быть не чуждъ покушенія 25 го мая (6-го іюня).

Президентъ объявляетъ депешу не требующею дальнѣйшихъ разъяснепій.

Г. Араго: Подсудимый вспомнилъ мѣсто жительства своего дяди.

Березовскій: Онъ живетъ въ улицѣ Сенъ-Доминикъ-Сенъ-Жерменъ, 85.

Президентъ: Г. прокуроръ, слово за вами.

Прокуроръ съ убѣжденіемъ и силою развиваетъ обвиненіе. Березовскій — говоритъ онъ—ни мало не заслуживаетъ снисхожденія; онъ лично ни въ чемъ не можетъ сѣтовать на русское правительство; для него нѣтъ оправданій, если только политическія страсти не послужатъ ему въ уменьшеніе вины. Гг. Присяжные! Вспомните восторженные клики, которыми встрѣтилъ французскій народъ обоихъ Императоровъ послѣ покушенія; вспомните, что народъ хотѣлъ на мѣстѣ покончить съ преступникомъ, и что лишь силою удалось вырвать преступника изъ рукъ возмегодовавшей толпы. Эти люди, спасшіе его отъ правосудія народнаго, знали, что судъ надъ преступникомъ принадлежитъ присяжнымъ, и приговоръ присяжныхъ, соотвѣтствующій народнымъ чувствамъ, вызваннымъ покушеніемъ 6 іюня, будетъ послѣднимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія.

Президентъ: Г. защитникъ, слово за вами.

Эммануэль Араго: Я желалъ бы ознакомить присяжныхъ съ личностью подсудимаго, прежде нежели они перейдутъ къ его осужденію. Вы знаете, гг. присяжные, какія мученія испытывала Польша. Депеша г. Друэна-де-Люи къ г. Монтебелло, послаппику при Россійскомъ Дворѣ, напечатанная въ «Монитерѣ», утверждаетъ, что Польша въ 1863 г. была увлечена не революціонными стремленіями, но благородными исканіями справедливости, жаждою возстановить отечество и религію. Этимъ же стремленіямъ слѣдовалъ и Березовскій. Лишь только онъ былъ арестованъ, прежде нежели судебный слѣдователь приступилъ къ исполненію своей обязанности, подсудимый былъ допрашиваемъ русскимъ должностнымъ лицомъ, главнымъ начальникомъ русской полиціи, по русски спрашивавшимъ подсудимаго объ его имени и мѣстѣ жительства его родныхъ. Березовскій, знавшій, что его семейство проживаетъ въ Россіи, хотѣлъ спасти его: онъ не отвѣчалъ. Но ни отецъ его, ни его братъ не могли уже подвергаться дальнѣйшимъ опасностямъ: его отецъ находится въ тюрьмѣ уже три или четыре года, а его братъ сосланъ въ Сибирь, это

страшное мѣсто ссылки откуда никто не возвращается. Я имѣю подъ руками—говоритъ г. Араго—доказательства объ арестѣ и ссылкѣ отца и брата Березовскаго: вотъ листы «Московскихъ Вѣдомостей», откуда я почерпнулъ эти свѣдѣнія *).

Президентъ: Г. Араго, что это за журналы? Они издаются на русскомъ языкѣ?

Араго: Да, г. президентъ.

Президентъ: Поэтому мы не можемъ провѣрить вашихъ указаній. Мы вполнѣ уважаемъ права защитника, но тѣмъ не менѣе необходимо равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою. Вы представляете документъ въ послѣдней, защитительной рѣчи, не сообщивъ его прокурору.

Генеральный прокуроръ: Намъ невозможно провѣрить показанія журнала, котораго никто изъ насъ даже не умѣетъ прочесть.

Араго: Среди возраженій, раздающихся со всѣхъ сторонъ, мнѣ трудно вполнѣ обладать собою, тѣмъ болѣе, что при предъявленіи мною каждаго (?) документа, у меня требуютъ отчета, откуда онъ и какимъ образомъ дошелъ онъ ко мнѣ. Притомъ обоюдное сообщеніе доказательствъ необходимо

---

*) Это показаніе защитника ложное.

лишь въ дѣлахъ гражданскихъ, и вовсе не требуется въ процессахъ уголовныхъ.

Президентъ: Но невозможно также признать вполнѣ доказаннымъ документъ, писанный на языкѣ, котораго никто не понимаетъ. Поэтому обратимся къ судебнымъ преніямъ.

Араго: Подчиняюсь рѣшенію г. президента и не буду болѣе говорить о «Московскихъ Вѣдомостяхъ.» Защитникъ указываетъ затѣмъ на добрыя качества подсудимаго, признанныя свидѣтелями; подсудимый былъ увлеченъ чувствами великодушными, хотя и выразившимися въ преступномъ дѣяніи. Онъ понимаетъ теперь преступность своихъ дѣйствій и безплодность ихъ, въ случаѣ, если бы убійство совершилось. Но, во всякомъ случаѣ, кровь не была пролита. «Я убѣжденъ—говоритъ въ заключеніе защитникъ—что если бы вы, гг. присяжные, и осудили его, то это произошло бы противъ вашего внутренняго убѣжденія».

На вопросъ президента подсудимому, не имѣетъ ли онъ чего добавить, Березовскій отвѣчалъ: «Нѣтъ, г. президентъ; но я сожалѣю, что все это произошло въ дружественной намъ Франціи.»

Затѣмъ послѣдовалъ приговоръ присяжныхъ и опредѣленіе суда. Присяжные объявили Березовскаго виноватымъ, но съ облегчающими вину обстоятельствами; судъ присудилъ его къ вѣчной каторжной работѣ.

—По поводу защитительной рѣчи, произнесенной въ судѣ присяжныхъ г Эммануэлемъ Араго, по дѣлу преступника Березовскаго, рѣчи, отличавшейся чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ революціонннымъ стремленіямъ Польши, «Journal de St.-Pétersbourg» замѣчаетъ слѣдующее: «Защитникъ Березовскаго не преминулъ употребить въ дѣло всѣ тѣ эффектные аргументы, къ которымъ постоянно прибѣгали всѣ приверженцы и поборники польскаго возстанія. Онъ преимущественно налегалъ на мѣры, употребленныя для подавленія возстанія, и истощалъ всѣ силы своего краснорѣчія въ изображеніи грустной картины сильныхъ мѣръ, сопровождавшихъ усмиреніе мятежа, не говоря ни слова о жестокостяхъ, совершенныхъ мятежниками, и объ ихъ неслыханныхъ изувѣрствахъ. Въ его глазахъ одно только дѣло революціи было законно и заслуживало сочувствія. Ему не трудно было бы представить своего кліента сумасшедшимъ; но онъ предпочелъ сдѣлать изъ него

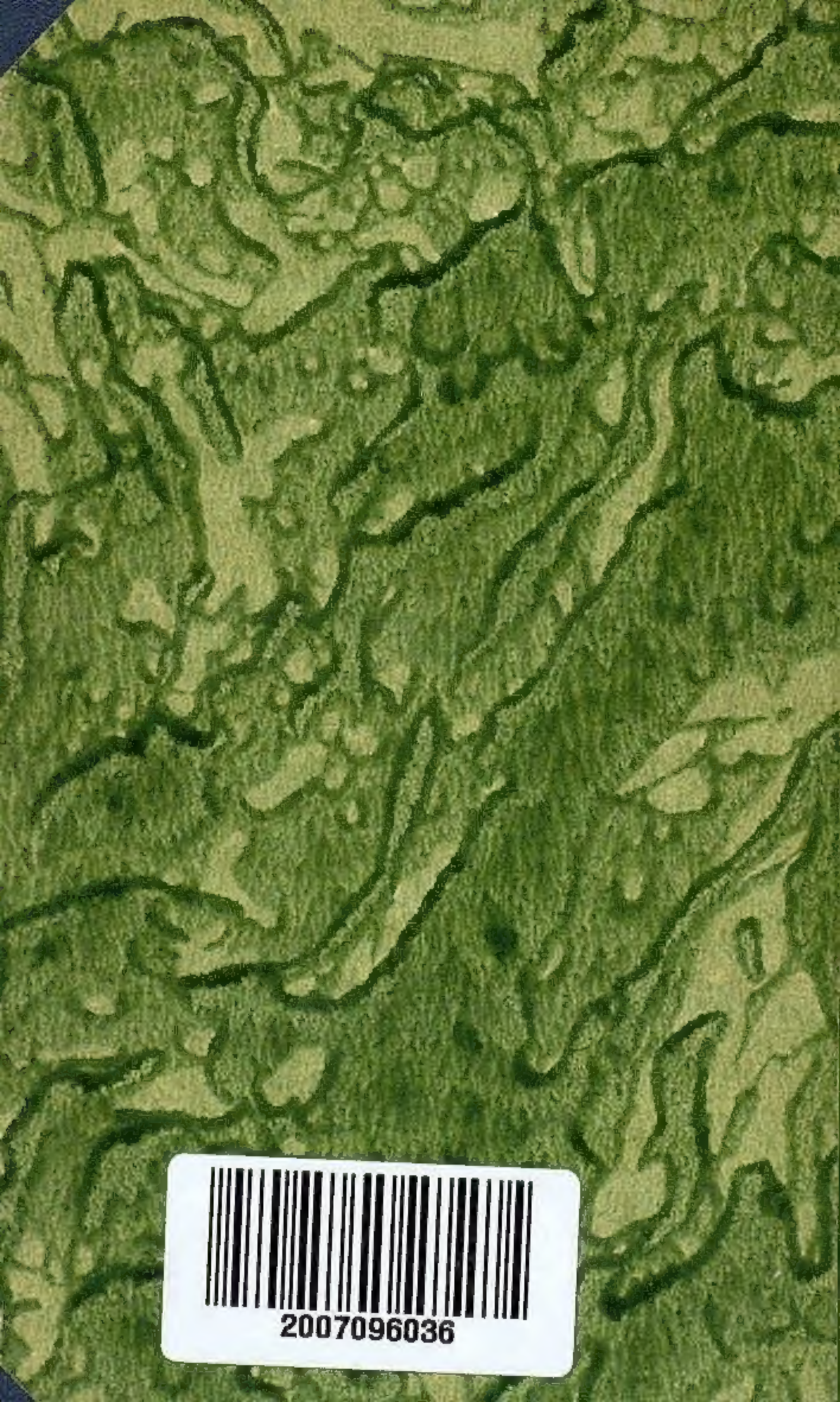
героя и восхищаться имъ. По всей вѣроятности, судъ присяжныхъ принялъ во вниманіе молодость преступника и тлетворное вліяніе, которое имѣлъ на него нравственность тонкій ядъ вредныхъ книгъ. Г. Араго увлекся до того, что даже просилъ судъ простить преступнику. Но присяжные единодушно объявили его виновнымъ и, только изъ состраданія къ нему, допустили облегчительныя обстоятельства».

«Судъ приговорилъ виновнаго къ самой высшей степени наказанія, къ какой только можетъ онъ присуждать преступниковъ на основаніи закона».

«Считаемъ не безполезнымъ указать здѣсь на слѣдующее мѣсто защитительной рѣчи г. Араго. Говоря о Сибири, онъ сказалъ: «Это страшное мѣсто ссылки, изъ котораго никто не возвращается». Защитникъ Березовскаго ошибается. Изъ Сибири возвращаются точно также, какъ возвращаются во Франціи изъ Ламбесской тюрьмы и Кайэнны. Чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, ему стоитъ только спросить объ этомъ французовъ, участвовавшихъ въ польскомъ возстаніи и сосланныхъ въ Сибирь, но которые были помилованы въ послѣдствіи Государемъ Императоромъ и возвратились во Францію».

— Парижскій корреспондентъ газеты «Nord» пишетъ по тому же предмету: «Я только что возвратился изъ суда присяжныхъ. Телеграфъ уже передалъ вамъ приговоръ, состоявшійся надъ Березовскимъ, съ допущеніемъ въ его пользу облегчительныхъ обстоятельствъ».

«Генеральный прокуроръ, г. Марна, говорилъ далеко неудовлетворительно. Голосъ его слабъ, и слова его по видимому даже не достигали слуха присяжныхъ. Съ первыхъ же словъ г. Араго, который, за отсутствіемъ ораторскихъ способностей, умѣетъ округлять свои выраженія и обладаетъ навыкомъ и искусствомъ опытнаго адвоката, обнаружилось преимущество защитника надъ обвинителемъ. Впрочемъ рѣчь г. Араго была однимъ лишь повтореніемъ обычныхъ обвиненій, которыми такъ усердно осыпали Россію огнедышащія статьи газетъ «Opinion nationale» и «Siècle». Оратора не останавливали, и онъ далъ полную свободу своимъ выраженіямъ. Внимая его словамъ, можно было подумать, что на скамьѣ обвиненныхъ сидѣла Россія, противъ которой призванъ былъ высказаться судъ».


2007096036